

**«Критическая» версия
российских исторических событий начала XX в.
в современной отечественной историографии**

Наталья В. Иллерицкая

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, natalia.villeritskaya@gmail.com*

Аннотация. В статье осуществляется историографический анализ трудов современных российских историков, опубликованных в процессе подготовки и проведения 100-летнего юбилея Великой российской революции 1917 г.

Основное внимание в данной статье уделено прояснению понятия «критическая» версия современного историописания как актуальной ревизии представлений об исторических событиях в России начала XX в., традиционно бытовавших в советской историографии.

Автор статьи стремится выявить теоретико-методологические и фактографические основания конструирования исторических событий начала XX в. в текстах известных современных российских историков. Поэтому основное внимание в статье уделяется вопросу приращения научного знания в отобранных для историографического анализа историографических источниках. С этой целью исследуется оправданность и продуктивность применения интеллектуального инструментария новой политической истории и психоистории для решения задач, сформулированных авторами анализируемых историографических источников.

По мнению автора статьи, «критическая» версия современного историописания намечает продуктивные подходы к переопределению смыслов российских исторических событий начала XX в. Пока это только первоначальная интеллектуальная прорисовка новых теоретико-методологических механизмов в современной историографии, но очевидно, что при всей видимой провокационности предложенных подходов это необходимый шаг к конструированию нового образа прошлого в ответ на вызовы современности.

Ключевые слова: «критическая» версия, события начала XX в., новая политическая история, психоистория, историографический анализ

Для цитирования: Иллерицкая Н.В. «Критическая» версия российских исторических событий начала XX в. в современной отечественной историографии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 2. С. 24–34. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-24-34

The “critical” version of the Russian historical events at the beginning of twentieth century in the modern native historiography

Natalia V. Illeritskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
natalia.v.illeritskaya@gmail.com*

Abstract. IAbstract: In the article an attempt is made to study works of the modern Russian historians published in the process of preparing and holding the 100th anniversary of the Great Russian Revolution of 1917. The focus of the article is on clarifying the concept of a “critical” version of modern historiography as a revision of relevant ideas about historical events in Russia at the beginning of the twentieth century, which traditionally existed in Soviet historiography.

The author of the article aims to identify the theoretical and methodological as well as the factual basis for reconstructing the historical events of the early twentieth century in the texts of renown modern Russian historians. She concentrates her attention on the question of increment of scientific knowledge in historiographical sources selected for a historiographical analysis. To that end, the article investigates the justification and productivity of using the intellectual instrumentarium of the new political history and psychological history to solve the questions formulated by the authors of analyzed historiographical sources.

It is the author's opinion that the “critical” version of the modern historiography is outlining the productive approaches to redefining the meanings of Russian historical events of the early twentieth century. So far that is only the initial intellectual drawing of the new theoretical and methodological mechanisms in the modern historiography, but it is obvious, that with all the apparent provocativeness of the proposed approaches, it is a necessary step to create a new image of the past in response to the challenges of our time.

Keywords: the “critical” version, the events in the beginning of twentieth century, new political history, psychological history, historiography analysis

For citation: Illeritskaya NV. The “critical” version of the Russian historical events at the beginning of twentieth century in the modern native historiography // RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series, 2019; 2:24-34. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-24-34

Введение

На современном этапе историописания особую актуальность приобретает освещение «романтического» периода советского социокультурного проекта, который хронологически совпадает со временем Великой российской революции 1917 г. В связи с этим

в современном историческом знании оформилась «критическая» версия истории революции 1917 г., теоретически и методологически направленная против модели советской историографии. Эмпирическая база этой версии оказалась значительно обновленной либо введением в научный оборот нового фактического материала, либо новой интерпретацией уже известных фактов. В контексте «критической» версии современной отечественной историографии наиболее показательными, на мой взгляд, являются труды двух авторов: В.П. Булдакова и К.А. Соловьева, опубликованные в 2017 г. Особенностью работ этих авторов является их стремление привнести теоретико-методологическую новизну в современное историописание и сконструировать новый образ исторических событий начала XX в.

Текст книги К.А. Соловьева «Хозяин земли русской?» интересен тем, что выстроен в методологии новой политической истории, смысл которой заключается в широком истолковании предмета политического, создания «нового нарратива», т. е. объединения вокруг ядра политической истории элементов социальной, интеллектуальной истории и политологии. В современной историографии недостаточно исследованными остаются проблемы повседневного функционирования власти, ее институтов; изучение каналов и форм взаимоотношения власти и общества. Именно эти сюжеты стали центральными в книге К.А. Соловьева.

Статьи В.П. Булдакова «Революция 1917 г.: мифы, которые мы выбираем» и «Мировая война, европейская культура, русский бунт: к переосмыслению событий 1917 г.» написаны в методологическом подходе психоистории, что является новым для российской историографии. Центральная проблематика его статей посвящена исследованию поведенческой практики населения; индивидуального восприятия событий, представлений, механизмов трансформации мифологии революции в новую политическую реальность.

События начала XX в. в версии новой политической истории

Книга К.А. Соловьева «Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна» вышла в начале 2017 г. в серии издательства НЛО «Что такое Россия». Уже название книги свидетельствует о нетривиальном подходе автора к разработке поставленной проблемы.

Особенностью работы Соловьева является ее популярный характер. Текст лишен научно-справочного аппарата, что выводит

работу за границы профессионального дискурса. Однако автор этой книги является признанным авторитетом в области политической истории России, и это дает право рассматривать его труд как историографический источник. Особое внимание привлекает замысел книги: автор концентрируется на механизмах принятия государственных решений, внутриминистерских интригах, конфликтах бюрократии с обществом. Этому замыслу соответствует и структура книги, которая построена по принципу конструирования социально-политических феноменов: власть рассматривается в вертикальном срезе ее институциональных проявлений. В итоге автор приходит к оправданному умозаключению, что сфера публичной политики во второй половине XIX – начале XX в. в Российской империи была ограниченной, что затрудняло работу правительства: ведомственная борьба исключала согласие даже в среде высшей бюрократии. Взгляды высших сановников оставались неизвестными для императора, а чиновничество могло только догадываться о позиции императора. Поэтому важные государственные решения принимались без твердой опоры на социальные, политические и экономические реалии. Однако проблема заключалась не только в отсутствии консолидированной власти. Дело было в том, что высшая бюрократия очень приблизительно представляла себе население страны и его хозяйственную жизнь. Это означало, что российская централизация покоилась на шатких основаниях: бюрократическая форма скрывала реальное содержание социальных процессов.

Авторитет земств держался на знании конкретики местной жизни в стране, и чиновничество явно комплексовало перед земцами. Петербургские чиновники свою некомпетентность объясняли отсутствием выстроенной сети правительственных учреждений на местах, потому что, как известно, административная вертикаль дальше губернского города не шла. В этой ситуации затруднительно было определить, как будет работать тот или иной закон на местах. Часто это становилось полной неожиданностью для законодателя, и администрации оставалось лишь удивляться, что происходит в стране, а в России не без основания тиражировалась мысль, что нет власти, внушающей доверие обществу.

После столь интересных рассуждений К.А. Соловьев приходит к новому для современной историографии выводу: бюрократия, опирающаяся на столь шаткую основу, справлялась с задачами управления страной благодаря «...корпоративному единству, аполитичному профессионализму, административной фантазии, способной творить новое в узком коридоре отечественного законодательства...» [1 с. 290].

После революции 1905 г. Россия в политическом плане начала меняться, но изменения опять творила бюрократия, которая опиралась на свой прежний опыт. Отсюда и неутешительный результат: новое пытались надстроить на старом фундаменте, «...заимствуя все его противоречия и присовокупляя к ним новые, прежде неизвестные» [1 с. 292].

Конечно, если предъявлять к тексту книги чисто профессиональные требования, то следует отметить его перегруженность неоправданно обширными цитатами, что чревато иллюстративностью. Но это не главное. Главное заключается в том, что работа К.А. Соловьева выстроена в актуальном подходе новой политической истории и демонстрирует новационные возможности конструирования политического в историческом дискурсе. Книга «Хозяин земли русской?» имеет научное-популярное назначение, однако в отличие от многих современных работ демонстрирует несомненное приращение научного знания: в работе есть теоретико-методологическая и фактографическая новизна, что делает ее историографическим фактом.

Российская революция 1917 г. в версии психоистории

Важным этапом в осмыслении обновления методологии изучения истории революции 1917 г. стал доклад П.В. Волобуева и В.П. Булдакова на XVIII Международном конгрессе исторических наук в сентябре 1995 г. В докладе авторы поставили цель выявить наиболее перспективные подходы к исследованию революции 1917 г. и попытаться создать модель революции, способную стимулировать интеллектуальную деятельность историков. В частности, авторы предложили психосоциальную интерпретацию революции 1917 г. на основе междисциплинарного синтеза [2 с. 51].

В жанре «человеческого измерения» революции написаны основные тексты В.П. Булдакова, посвященные событиям начала XX в., включая статью «Революция 1917 г.: мифы, которые мы выбираем». Статья вызывает большой интерес. Привлекает внимание сама постановка проблемы, а сверхзадача, сформулированная автором, звучит очень актуально: «Автор показывает, что всякая революция связана с определенным набором мифических представлений о прошлом и будущем» [3 с. 39]. С этим трудно спорить, тем более что автор дает свое определение мифа: это «переживаемая реальность» [3 с. 40]. Однако далее из текста следует, что В.П. Булдаков пытается разоблачить миф демократической

революции. В создании этого мифа автор обвиняет и современников, и сторонников «рационального» объяснения революционных событий в историографии, и историков-эмигрантов. Сам автор исповедует циклическое понимание истории, объясняя это весьма оригинально – относительной неизменностью человеческой натуры и тем, что «непросвещенные» массы мыслят образами утраченного «светлого прошлого» [3 с. 40–43].

Российская империя, по мнению В.П. Булдакова, может быть представлена как устойчиво-неравновесная система авторитарно-патерналистского типа. Такой организм не демонстрирует инновационность, но способен на мобилизационные усилия в экстремальных обстоятельствах, когда народ должен реагировать на всеобщую угрозу. Российская империя старалась черпать опыт управления в традициях прошлого. Царь жил прошлым, что и привело к столь успешному перевороту в 1917 г. Империя оказалась во власти малых возмущений, слухов и сплетен, т. е. «феминизированный» тип волнений охватил всю страну. В России тяга к демократии возникла в связи с потребностью «демократизации» самодержавия. Народ же остался почитателем власти, понятно сформированной по принципу «большой семьи», которой нужен был только «хороший отец», т. е. правитель [3 с. 45].

Основной миф, считает В.П. Булдаков, который обеспечил крах послефевральских действий, связан с тем, что русская интеллигенция слепо верила в формальную демократию, т. е. в политическую многопартийность. Многопартийность в России воспринималась как синоним демократии, но, по мнению автора, была лишь показателем развала прежних принципов авторитарно-патерналистского существования. Партии в России были опасны тем, что они создавали «подстрекательскую» среду. Все интеллигентские партии (а все политические партии и были интеллигентскими) в большей или меньшей мере оказывались утопичными в самых своих основаниях. Поэтому партии усугубляли социальный хаос, который непереносим для людей традиционной культуры, т. е. для решающего большинства населения [3 с. 52].

Центральное место в статье занимают рассуждения о мифологии революции. Но по мере углубления в конструкцию статьи выясняется, что в действительности автор не исходит из тезиса, что миф – это иррациональный способ освоения окружающего мира. Миф понимается просто как искажение действительности. С такой постановкой вопроса сталкиваешься в самом начале статьи, когда В.П. Булдаков определяет основное занятие профессионального историка – держать оборону против нескончаемого мифотворчества [3 с. 40]. Историки действительно считают одной

из важнейших функций исторической науки преодоление мифов о прошлом, но они не всегда понимают, что эта проблема должна быть увязана с познавательными возможностями исторической науки. К этой стратегии должно быть отнесено изучение механизма демифологизации и выявление в этом процессе роли исторической науки.

В первую очередь историк должен отталкиваться от определенной трактовки мифа, которая весьма редко укладывается в узкие рамки просто фальсификации. Исторические мифы выполняют важную роль в общественной жизни, что усложняет саму постановку вопроса о демифологизирующих возможностях исторической науки. Современные мифы высказываются в виде дискурсов, что свидетельствует о том, что мифы служат не для изживания противоречий, а для оправдания. Поэтому есть много оснований занять скептическую позицию по отношению к науке в деле демифологизации наших представлений о прошлом. Иными словами, «историческое повествование может быть скрупулезно точным в соответствии источникам, но оставаться мифом. Поэтому призыв быть честным в опоре на свидетельства еще не спасает от их мифологизации...» [4 с. 27]. Ведь есть задачи, для решения которых историческое знание в принципе непригодно. Такая ситуация складывается во всех случаях, когда прошлое напрямую используют для обоснования современности.

В.П. Булдаков справедливо замечает, что человек склонен навязывать событиям былых лет логику современности. Для историка-профессионала это непростительный грех, но для людей, не обремененных профессиональной подготовкой, это обычный способ взаимодействия с прошлым. С этим трудно не согласиться. Однако автор, являясь историком-профессионалом, неоднократно сам разрешает себе проводить прямые аналогии между событиями 1917 г. и современностью (в частности, с 1991 г.). Кроме того, В.П. Булдаков призывает историков научиться беспристрастно смотреть в лицо революционной действительности. То есть историк, по его мнению, в лучшем случае может быть участливым «соглядатаем» и не больше. Поэтому миф в такой конфигурации способен заслонить собой историческую реальность, а историю можно представить как коловращение мифов, а мифы изживают себя только путем самоистощения. И единственным противоядием против мифотворчества остается, по мнению В.П. Булдакова, наука история [3 с. 58].

Современная историографическая ситуация применительно к проблемам истории революции 1917 г. автору не представляется оптимистичной. В своей следующей статье «Мировая война,

европейская культура, русский бунт: к переосмыслению событий 1917 г.» В.П. Булдаков подчеркивает, что, по его мнению, события 1917 г. в России имели два истока: внутренний революционный процесс, в котором преобладали силы социальной деструкции, и европейский кризис. Булдаков считает, что это был системный кризис империи, апогеем которого стало утверждение большевизма. В 1917 г. «цивилизованная» логика была захлестнута стихией самоорганизованных движений. Наступило время, когда страхи и предчувствия грядущей катастрофы превращались в пророчества.

В.П. Булдаков утверждает, что сегодня причины, ввергшие европейский мир в круговорот иллюзий, мифов, утопий, стали различимы: демографический бум привел к «омоложению» европейского населения; промышленный прогресс убеждал во «всеисилии» человека; миграционные потоки снизили возможности управления обществом; средства массовой информации резко усилили иллюзорный компонент сознания. Возросли агрессивность и непредсказуемость масс. На этом фоне разговоры и слухи о чем-то пугающем приближали тотальную катастрофу. В этих условиях накопившаяся агрессивность легко могла направиться на соседние народы. Так и случилось: Европа сорвалась в войну. Понятия «война» и «революция» смешались. Западная агрессивность была связана главным образом с «прогрессом» урбанизации, в России же получала преимущество невидимая агрессия сопротивления ей, поднявшаяся из недр крестьянского традиционализма. Европа устремилась к войне, а Россия – к революции [5 с. 22–23].

В условиях продолжающейся войны в сознании масс в России получили преобладание императивы неполитического архаичного типа. Падение самодержавия связано со стихийными выступлениями столичных рабочих. Черда продовольственных, «базарных», «пьяных» и этнических погромов протянулась через весь 1917 г. В 1917 г. в России бунт бежал впереди революции, расчищая дорогу большевикам и всевозможным максималистам [5 с. 24–25].

Психика русских рабочих, продолжает свои рассуждения автор, оставшихся в массе своей людьми традиционного сельского общества, была основательно деформирована городской средой. Тем временем начиная с марта 1917 г. событиям стали навязывать имидж «пролетарской» революции, но это была вовсе не та «пролетарская сознательность», о которой мечтал Ленин. Даже высокую «организованность» русского пролетариата можно связать с общинной психологией вчерашних крестьян. Неслучайно быстрее отраслевых профсоюзов возникли мелкие «цеховые» рабочие организации, сливавшиеся в фабрично-заводские комитеты.

Ход событий определялся психологией выживания, а не идеалами «пролетарского социализма» [5 с. 25–26].

В.П. Булдаков разделяет бытующую в современной историографии идею «крестьянской стихии», захлестнувшей город. Он утверждает, что крестьяне с их мечтой о «черном переделе» менее всего были подготовлены к представительной демократии. Теперь им казалось, что новая власть может моментально осуществить их «справедливые» пожелания. По мере разочарования в городской демократии стала нарастать «общинная революция», в ходе которой крестьяне в первую очередь постарались ликвидировать столыпинские новации. Крестьяне упорно не принимали всеобщего, равного, прямого, тайного избирательного права. По их мнению, любое справедливое решение достигается только на основе общинной традиции – открытым единогласным голосованием.

Солдатское движение подчинялось логике разложения армии, не желающей воевать. В 1917 г. солдаты тоже руководствовались этикой общинной деревни: вся армия должна быть перестроена согласно их пожеланиям. Поведение воюющего народа фактически стало определяться императивом «мирного» выживания. Трудно представить себе более нелепую ситуацию. Постепенно солдаты стали оказывать подстрекательское воздействие на деревню. Именно радикальные представители солдатской массы стали главной опорой большевиков [5 с. 26].

Автор утверждает, что русская революция представляла двуликим Янусом: внешне она выглядела продолжением демократической революции, а внутри себя несла черты разинщины и пугачевщины. В итоге дух протеста пронизал среду носителей традиционного сознания. И тогда культурные слои России словно перевернулись: нижний накрыл верхний. Произошло вытеснение европейских компонентов массового сознания и возобладание традиционной ментальности [5 с. 26–27].

В заключение своей статьи В.П. Булдаков приходит к выводу, что историки допускают большую ошибку, упорно продолжая не замечать психологического состояния масс, ибо спектр эмоций 1917 г., представленных слухами, определялся обычным для революции состоянием: между надеждой и страхом перед будущим. В силу тогдашнего информационного бума, подкрепленного мощными миграционными процессами, слухи приобретали поистине тотальный характер [5 с. 28].

О том, что революция завершится возвращением к традиции, говорили многие. Итог величайшего российско-мирового системного кризиса протекал по законам самовоссоздания «порядка из хаоса». А он определялся малозаметным, но решающим фактором –

психикой «маленького человека», вынужденного решать проблему выживания не по предписаниям «ученых мужей», а заглядывая в «утраченное прошлое» [5 с. 29].

Заключение

Таким образом, в современной историографии истории Великой российской революции 1917 г. сделан несомненный шаг вперед: переформатирована сама тематика российской революции 1917 г.; достигнута репрезентативность источниковой базы за счет переосмысления и введения в научный оборот новых документальных источников; предложены актуальные теоретико-методологические подходы. Это привело к переопределению исследовательских задач и расширило исследовательское пространство историка в разработке проблематики российской революции 1917 г. Изменился образ революционных событий. Но это только начало пути, чтобы наполнить понимание событий начала XX в. новыми смыслами. Так что историков ждет впереди большая и интересная работа, важная для самопознания современного общества.

Литература

1. *Соловьев К.* Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 296 с.
2. *Поршнева О.С.* Человек в условиях российской революции 1917 года: основные тенденции и достижения в изучении проблемы // 1917 год в России: Социалистическая идея, революционная мифология и практика: Сб. научн. тр. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2016. 382 с.
3. *Булдаков В.П.* Революция 1917 г.: мифы, которые мы выбираем // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия: История. Научный журнал. 2017. № 1. С. 39–62.
4. *Линченко А.А.* Историческая наука как фактор демифологизации исторической культуры: философско-методологический аспект // Профессиональная историография и историческая память: опыт пересечения и взаимодействия в сравнительно-исторической перспективе: Сб. статей / Ин-т всеобщей истории РАН. М.: Аквилон, 2017. 256 с.
5. *Булдаков В.П.* Мировая война, европейская культура, русский бунт: к переосмыслению событий 1917 г. // Великая российская революция, 1917: сто лет изучения: Материалы Международ. научн. конф. (Москва, 9–11 октября 2017 г.) / Отв. ред. Ю.А. Петров. М.: ИРИ РАН, 2017. 808 с.

References

1. Solov'ev K. The Lord of the Russian Land? Autocracy and Bureaucracy in the Era of Modernism. Kirill Soloviev. The Basic Trends and Achievements in Studying the Issue. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2017. 296 p. [In Russ.]
2. Porshneva O. A man in situation of the Great Russian revolution of 1917 // 1917 in Russia. *Socialist Idea, Revolutionary Mythology and Practice. Coll. scient. Works.* Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta Publ.; 2016. 382 p. [In Russ.]
3. Buldakov V. The Great Revolution of 1917 year. The myths we choose. *Bulletin of Toer State University. Series: History.* 2017;1:39-62. [In Russ.]
4. Linchenko A. History as a Factor of Demythologization of Historical Culture. Philosophical and Methodological Aspect. V: *Professional Historiography and Historical Memory: An Experience of Intersection and Interaction in a Comparative Historical Perspective.* Coll. of articles. Institute of General History of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Akvilon Publ.; 2017. 256 p. [In Russ.]
5. Buldakov V. The First World War, European Culture and Russian Riot. Towards Reinterpretation of the Events of 1917 V: *The Great Russian Revolution, 1917. A Hundred Years of Study [Text]. Proceedings of International. Scientific Conf.* (Moscow, October 9–11, 2017) / Ex. ed. Yu.A. Petrov. Moscow: IRI(IRH) RAN Publ.; 2017. 808 p. [In Russ.]

Информация об авторе

Наталья В. Иллерицкая, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет; 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; natalia.villeritskaya@gmail.com

Information about the author

Natalia V. Illeritskaya, Doctor of Sciences (History), professor, Russian State University for the Humanities; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, 125993; natalia.villeritskaya@gmail.com